

Список литературы

1. Источник. Документы русской истории. 1996/3 (22).
2. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125 (протокол № 105).
3. Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 83–106.
4. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1, 2, 3.
5. Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1950.
6. Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Вып. I. Л., 1991.
7. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 454.
8. Кедров Б. М. Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988. № 3.
9. Ярошевский М. Г. Как предали Ивана Павлова // Репрессированная наука. Вып. II. СПб., 1994.
10. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 490. Стенограмма. Вып. 3. Тексты не успевших выступить в дискуссии. (См. также Вопросы философии. 1947. № 1. Выступление Мильнера Я. А.)
11. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 228.
12. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 477.
13. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063.
14. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 52.
15. Большевик. 1947. № 1. С. 5–15.
16. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 477.
17. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 299.
18. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064.
19. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074.
20. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 480.
21. РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 983.
22. Краткий очерк истории философии / Под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. М., 1981.
23. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 478. Л. 24, 25.
24. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 482. Л. 37, 45.
25. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 487. Л. 5.
26. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 2–6, 35.
27. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066.
28. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 34. Л. 51–59, 61–69.
29. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 290. Л. 17, 91, 96.
30. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 8. Л. 245–311.
31. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 199, 206.

А. С. СОНИН

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ НАЗНАЧЕНИЕ*

Эта история произошла в 1949 г., в разгар бурной политической кампании по борьбе с космополитизмом.

Кампания, начатая известными идеологическими постановлениями ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», «О кинофильме „Большая жизнь“» и «Об опере В. Мурадели „Великая дружба“» (1948 г.), имела своей целью ограничить свободу творчества интеллигенции рамками пресловутой «идейности», дискредитировать западную культуру и демократию, воздвигнуть, в конечном итоге, «железный занавес» между нашей страной и остальным миром. Одним из составных элементов этой кампании была борьба с преклонением перед иностранцами, чему должно было служить возвеличивание национальных достижений во всех областях культуры и науки. Последнее вряд ли достойно осуждения, если бы национальные приоритеты утверждались с помощью объективных исследований и спокойных дискуссий. Однако в пылу борьбы с космополитизмом под давлением идеологических органов утверждение приоритета советской науки превратилось в постыдный фарс. Достаточно вспомнить, как Ломоносову приписывали открытие закона сохранения энергии, Лобачевского объявляли чуть ли не создателем теории относительности, а Можайский становился изобретателем аэроплана. Тогда-то и возник ставший популярным анекдот: «Россия — родина слонов».

На этом фоне история о несостоявшемся назначении Чичерина автором планетарной модели атома кажется нетипичной. Однако причины, побудившие отказаться от назначения, и весь механизм этой идеологической кухни достоин пристального внимания.

В январе 1949 г. в Ленинграде состоялась сессия Академии наук, посвященная истории отечественной науки. В соответствии с общим направлением кампании сессия призвала усилить пропаганду достижений отечественной науки во всех областях. В результате во многих журналах, в том числе и научно-популярных, пошли сплошным потоком статьи, восхваляющие достижения как давно забытых, так и хорошо известных российских и советских ученых.

Журнал «Техника — молодежи» в трех номерах за 1949 г. опубликовал обширную статью писателя-популяризатора А. Ф. Буянова «Творцы химической науки» [1]. В ней с большим пафосом были описаны достижения русских и советских химиков, начиная с Ломоносова и кончая Несмеяновым. В разделе, посвященном Менделееву и его периодической системе, Буянов довольно подробно изложил гипотезу о строении атома, принадлежащую Чичерину.

Борис Николаевич Чичерин (1824–1904) был личностью незаурядной [2, 3]. Историк, философ, юрист-государственник, видный общественный деятель, он профессорствовал на юридическом факультете Московского университета. В каждой из трех областей своей деятельности Чичерин внес большой вклад.

Как историк он основательно изучал областные учреждения России XVII в., вопросы государственного строительства Англии и Франции и историю политических учений. При этом он отстаивал государственную теорию исторического процесса, рассматривая государство как надклассовую организацию, способную усмирить противоречивые устремления классов и сословий.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 96-03-04540).

Как философ Чичерин был ярким поклонником Гегеля. Он пытался искать диалектику во всех естественных и социальных явлениях, она казалась ему движущей силой природы и общественного развития. Чичерин считал, что он открыл новый закон природы — закон тетрадь, в соответствии с которым все в природе состоит из четырех сущностей. Так, мир состоит из пространства, материи, энергии и движения. Материя, в свою очередь, обладает четырьмя свойствами: протяженностью, непроницаемостью, косностью и притяжением. Человеческая деятельность характеризуется чувством, разумом, волей и стремлением друг к другу. Разум делится на мышление, размышление, веру и совесть. И так далее...

Государственно-правовые взгляды Чичерина можно назвать либерально-монархическими. Он отстаивал идею сильной власти, действующей вместе с законодательным выбранным органом. Чичерин призывал к невмешательству государства в экономическую жизнь страны и отвергал все попытки передела собственности.

В 60–80 гг. прошлого века Чичерин пользовался всеобщей известностью как ученый и общественный деятель. Он был одним из воспитателей наследника престола, а в 1883 г. был избран Московским городским головой. Однако в 1893 г. Чичерин ушел в отставку и до конца дней прожил в своем тамбовском имении, занимаясь литературным трудом. Он оставил интересные мемуары о своем времени и современниках [4].

Многие из последних, по-видимому, и не подозревали, что этот блестящий гуманитарий занимается, и притом профессионально, теоретической химией. В 1887–1892 гг. в Журнале Русского физико-химического общества, который редактировал Д. И. Менделеев, Чичерин — член этого общества — опубликовал ряд статей, посвященных изучению строения химических элементов на основе периодической системы. Все эти работы, получившие в то время положительные отзывы Менделеева и Столетова, уже после смерти Чичерина были изданы отдельной книгой [5].

Чичерин анализировал всего три простейших свойства элементов — атомный вес, плотность и удельный объем. Но законы их периодического изменения позволили ему высказать гипотезу о строении атома. Напомним, что в те годы только что был открыт электрон, но о его присутствии в атоме еще не догадывались. Первая модель атома Дж. Томсона возникла лишь в 1902 г. и далеко не соответствовала реальности — в положительно заряженный объем по окружности были вкраплены электроны. И лишь после опытов Э. Резерфорда (1911 г.) появилась первая реалистическая модель атома Н. Бора (1913 г.).

Модель атома Чичерина в какой-то мере предвосхитила модель Бора. Из закономерного уменьшения удельного объема с возрастанием атомного веса Чичерин сделал вывод о том, что атом не является сплошным кусочком вещества, а имеет сложное строение с «неравномерным распределением массы» [5, с. 45]. В центре атома находится ядро, вокруг которого вращаются «окружности». «Строение окружности, — писал Чичерин, — может быть разное: она может состоять из периферического слоя, из кольца, наконец из системы обращающихся около центра масс» [5, с. 45]. Таким образом, «каждый атом представляет собой подобие солнечной системы с центральной массой и обращающимися около нее телами» [5, с. 66]. При этом все части атома находятся в непрерывном движении.

Чичерин предполагал, что между частями атома действуют силы, пропорциональные массам. Но в то же время он утверждал, что ядро и «окружности» несут электрические заряды: «Прилагая выведенный для атомов закон к отношению эфирных (электрических). — А. С.) явлений, мы должны принять два противополо-

ложных электричества, как центральное и периферическое... Если положительное электричество есть центральное, а отрицательное — периферическое, то электроотрицательными должны быть преимущественно элементы, обладающие наибольшей подвижностью. И тут явление подтверждает вывод» [5, с. 234–235].

Такова, в общих чертах, атомная модель Чичерина. Конечно, это только гипотеза, построенная исключительно на периодическом законе Менделеева. Она отражает «доэлектронный» уровень знаний конца прошлого века и поэтому уязвима для критики. Но согласитесь, что эта гипотеза интересна не только в историческом плане.

Статья Буянова не осталась незамеченной, хотя гипотеза Чичерина уже была включена в программу по неорганической химии для химических факультетов университетов [6]. Статьей заинтересовался работник ЦК ВКП(б) профессор А. А. Зворыкин, курирующий кампанию по искоренению низкопоклонства перед границей в науке. Именно с его статьи в журнале «Большевик» [7] и началось в науке гонение на космополитов.

Зворыкин заказал Буянову два подвала для газеты «Правда»: один о Менделееве, другой — о Чичерине. Однако печатать эти статьи отказались под тем предлогом, что Чичерин был реакционером. Зворыкин посоветовал послать статью о Чичерине в «Литературную газету», но и там, под тем же предлогом, ее печатать не стали.

Раздосадованный Буянов написал письмо в ЦК ВКП(б) на имя М. А. Сулова.

Разве можно скрывать от советского народа, — писал Буянов, — многолетний труд Чичерина, труд, который выдвигает его в основоположники физики атома? Нет, нельзя! Русскому, а не английскому и датскому ученому, принадлежит первенство в раскрытии тайн атомного строения. И это в первую очередь должны знать те, кто стоит у руководства по пропаганде научного знания. Не трусливая, а твердая оценка должна быть в тех случаях, когда вопрос стоит о русском первенстве. Таково мое мнение. Если я ошибаюсь, прошу меня поправить [8, л. 5].

Этому письму был дан ход. Институту истории естествознания и техники АН СССР было поручено рассмотреть вопрос о приоритете Чичерина в открытии планетарной модели атома. По этому вопросу 16 сентября 1949 г. состоялось специальное заседание Ученого совета института [8, л. 6–34].

С докладом выступил профессор МГУ Д. Д. Иваненко. Он подробно изложил суть атомной гипотезы Чичерина, подчеркнув при этом широкую его эрудицию и владение высшей математикой. «Фигура интересная, плодovit» — снисходительно закончил научную часть своего доклада Иваненко.

Остальную, большую часть доклада он посвятил философским и политическим взглядам Чичерина. «Под влиянием реакционной философии, дошедшей до прямой поповщины, до анализа души и т. д., Чичерин не мог продвинуться вперед» [8, л. 19], — заявил Иваненко. Куда «вперед» — это, по-видимому, к современной теории строения атома. Но этого Чичерин никак не мог сделать. Даже если бы он был революционером и материалистом, так как он умер в 1904 г. задолго до опытов Резерфорда. Что же касается его «реакционной философии», то в вопросах естествознания Чичерин стоял на материалистических позициях (см. [5]), но кроме материи видел в мире и нематериальное — дух, душу, идеальное и, конечно, верил в Бога. Сейчас мы признаем такие взгляды ученого нормальными, но сорок–пятьдесят лет назад «реакционная философия» и «поповщина» были не самыми резкими эпитетами в адрес подобных деятелей. В заключение Иваненко сказал: «Резюмирую в двух словах: новейшие указания (статья и письмо Буянова. — А. С.) на забытые ра-

боты Чичерина являются любопытными и дают повод к поучительному историко-научному экскурсу». Но, тем не менее,

нельзя Чичерина поднимать на щит, причислять его к великим нашим предкам в науке или к их соратникам и вообще нет достаточных оснований считать, что Чичерин предвидел конкретную современную модель атома и ядра. Следует однако признать, что Чичерин кое-что правильно нащупал в отношении делимости атомов [8, л. 20].

Обсуждение доклада Иваненко было вялым. Пространно выступил лишь зам. директора Института Н. А. Фигуровский, известный своими работами по истории химии.

Вы знаете, — начал он, — что важнейшей задачей историков науки являются разыскание и утверждение приоритетов отечественной науки, свидетельствующих о гениальности нашего народа, выдвигать мысли и открытия, сделанные представителями нашего великого народа. Казалось бы, на первый взгляд, вопрос о Чичерине и должен бы разбираться только с этой точки зрения. Не вникая в глубину этого вопроса, мы можем сказать, что Чичерин одним из первых высказал идею, внешне похожую на идею, высказанную позже Резерфордом и поэтому можно приписать приоритет открытия планетарной модели Чичерину... Но рассматривая этот вопрос, познакомившись с мыслями, которые высказывал Чичерин, и путями, которыми он шел к своей модели атома, я считаю, что всякого рода разговоры о Чичерине как об основоположнике теории строения атома, попытки поднять его на щит являются сейчас абсолютно вредными [8, л. 27].

Вредными? Согласитесь, что такой эпитет странно звучит в устах историка науки, он, скорее, из лексикона марксистских философов и политиков. Но Фигуровский разъясняет историкам, пекущимся о престиже отечественной науки:

Представьте себе, что в советском органе печати появилась бы статья, которая расхваливала бы Чичерина, представляла его основоположником современной науки о строении материи. Все наши враги сейчас же закричали бы: «Вот — крах советского материализма. Наконец-то советские ученые взялись за ум: извлекли философские статьи Чичерина и из них, наконец, поняли, что не диалектический и исторический материализм должен быть основой науки, а метафизика, которая приводит к выдающимся открытиям» [8, л. 30].

Комментировать такие сентенции нет надобности, хотя странно, что никто из профессионалов истории науки не высказался за объективное рассмотрение вклада Чичерина в теоретическую химию. Идеология и политика подмяли под себя и профессионализм, и объективность.

В результате в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) на имя Ю. А. Жданова ушло письмо Фигуровского, в котором говорилось, что

освещение в печати и другим способом всего этого вопроса (о приоритете Чичерина. — А. С.) как достижения русской науки являлось бы совершенно неправильным и необоснованным, во-первых, потому, что, собственно говоря, никакого открытия планетарной модели атома Чичериным не сделано, во-вторых, по той причине, что отдельные соображения о структуре атома, высказанные Чичериным и в значительной степени фантастические, неразрывно связаны с его философскими идеями... Эти идеи характеризуют Чичерина как махрового идеалиста-мракобеса, ультраправого гегельянца... Если бы даже в статьях Чичерина заключалось что-либо

похожее на научное открытие, то объяснение пути, по которому шел Чичерин в своих построениях, было бы неизбежно связано с апологетикой его метафизической философии. Поэтому я лично считал бы весьма нежелательным и вредным для дела пропаганды достижений отечественной науки говорить о Чичерине как об основоположнике современных представлений о строении атома [8, л. 10б].

Получив это письмо, Жданов в свою очередь информирует Суслова [8, л. 4–5]. И вот тут-то и выясняются истинные причины, почему власти в разгар кампании по борьбе с космополитизмом не воспользовались блестящей возможностью назвать, в противовес Резерфорду и Бору, основоположником атомной теории русского интеллигента Чичерина. Оказывается, В. И. Ленин в своей работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» отзывался о Чичерине весьма нехлестно. Он писал:

Нас не удивляет такое рассуждение у г. Чичерина, который в записке, поданной графу Милютину после 1-го марта 1881 г., заявил, что «власти необходимо прежде всего показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени перед угрозой», что «монархический порядок совместим со свободными учреждениями лишь тогда, когда они являются плодом мирного развития спокойной инициативы самой верховной власти» и советовал создать «сильную и либеральную» власть, действующую при помощи «законодательного органа, усиленного и обновленного выборным элементом». Со стороны вот этого г. Чичерина было совершенно естественно признавать заслуживающей большого осуждения политику Николая II потому, что в его царствование мирное развитие и спокойная инициатива самой верховной власти могла бы привести к свободным учреждениям [9, с. 145].

Вот откуда идет определение Чичерина как крайнего реакционера с вытекающими отсюда последствиями: идеализмом и метафизикой. Конечно, назначить такого человека отцом атомной теории совершенно невозможно, о чем и докладывал Жданов:

Предложенная Чичериным гипотеза о структуре атома не имеет ничего общего с современными представлениями, а его политическая физиономия является реакционной, поэтому популяризировать имя Чичерина не следует [8, л. 5].

Но этим решением высшей идеологической инстанции дело Чичерина не закончилось.

Через два месяца на имя секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова пришло письмо от члена-корреспондента АН СССР А. А. Максимова, философа-марксиста, активного борца против идеализма и космополитизма в науке [8, л. 43–43об.]. Он заметил фамилию Чичерина в программе по неорганической химии [6], и его возмущению не было предела. Максимов характеризует Чичерина как «известного черносотенца и заклателя врага науки и материалистического мировоззрения» [8, л. 43], основываясь, естественно, на цитатах из Ленина. Говоря же о существовании гипотезы Чичерина, Максимов договаривается до совершенно абсурдных утверждений. Он пишет:

Чичерин отрицал значение атомизма как материалистического учения, отрицал познаваемость атомов экспериментальным путем, пространство и время истолковывал как проявление абсолютного духа. Атом, по Чичерину, также продукт абсолютного духа, причем центр и периферия атомов духовны [8, л. 43об].

Этот пассаж имеет мало общего с работами самого Чичерина. Максимов не только их не читал, но и не открывал. Зато со свойственной ему партийной решитель-

ностью Максимов заявляет: «Всякая попытка восхвалять Чичерина по этой линии есть прямое выступление против решений ЦК ВКП(б) по третьему тому „Истории философии“ и книге Г. Ф. Александрова» [8, л. 43об].

При чем здесь идейные ошибки книги Александрова, обсужденные на специальном Всесоюзном совещании по философии и в постановлении ЦК, становится ясным из следующего. Максимов доносит, что Александров, будучи директором Института философии АН СССР, в своем выступлении на ученом совете в феврале 1949 г. с критикой Б. М. Кедрова, игнорирующего роль отечественных ученых в развитии мировой науки, в качестве примера назвал Чичерина, заслуги которого Кедров замалчивал. Он, Максимов, и на Ученом совете, и на партийном собрании выступил с критикой «выдвижения Чичерина в учителя молодежи» [8, л. 43об.].

Маленкова, по-видимому, насторожила фраза о «выступлении против решений ЦК ВКП(б)», и он наложил на письмо Максимова грозную резолюцию: «1. Ознакомить секретарей ЦК; 2. Рассмотреть на заседании секретариата с привлечением Александрова Г. Ф.; 3. Подготовить предложения» [8, л. 43].

Неизвестно, рассматривалось ли дело Чичерина на секретариате ЦК ВКП(б), но предложения работников аппарата ЦК Д. Попова и В. Кружкова легли на стол Маленкова [8, л. 44–45]. В этом документе опять превратно излагалась гипотеза Чичерина, который якобы «истолковывал атомы как проявление свободного духа» [8, л. 44], и подтверждалась «нецелесообразность популяризации работы Чичерина» [8, л. 44].

Что же касается доноса Максимова, то, по словам замдиректора Института философии Чеснокова, в своем докладе Александров действительно назвал Чичерина среди тех русских ученых, которых не упомянул Кедров в книге «Развитие понятия элемента от Менделеева до наших дней». Кедров согласился с этой критикой. Однако в стенограмме заседания Ученого совета, которая приложена к этой записке, фамилия Чичерина отсутствует. Можно лишь догадываться, произносилась ли на этом заседании фамилия Чичерина или Максимов все выдумал, а если произносилась, то изъята ли она умышленно или выпала случайно. Расследовать эту историю ЦК ВКП(б) не считал нужным, но рекомендовал Министерству высшего образования СССР исключить гипотезу Чичерина из программы по неорганической химии, что и было сделано.

Однако имя Чичерина не было забыто. Прошло несколько лет, и в 1956 г. вышел в свет второй том фундаментальной «Истории физики» П. С. Кудрявцева [10]. Там имя Чичерина, хотя и со всяческими оговорками, фигурирует в числе предшественников Резерфорда. Упоминается он в фундаментальной «Истории естествознания в России» [11], вышедшей в 1960 г. Не забыт Чичерин и в более поздних учебниках и монографиях. Все вроде бы стало на свои места. Но сюжет, рассказанный выше, заставляет вспомнить те недавние времена, когда советская история науки целиком и полностью зависела от идеологии и политики. Если бы не уничтожающая характеристика Ленина, то вполне возможно, что Чичерина объявили бы основоположником современной теории строения атома, его имя замелькало бы в учебниках и статьях, вызывая у здравомыслящих людей такую же реакцию, как провозглашение Ломоносова автором закона сохранения энергии. Это был бы очередной позор советской истории науки. Позора удалось избежать, и Чичерин занял в истории науки свое скромное место.

Список литературы

1. Буянов А. Творцы химической науки // Техника — молодежи. 1949. № 3. С. 25–30; № 4. С. 25–31; № 5. С. 22–26, 31.
2. Гульбинский И. Борис Николаевич Чичерин. Библиографический очерк // Библиографические известия. 1914. № 1–2.
3. Цейтлин Л. С. Из истории научной мысли в России. М., 1958.
4. Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1929–1934.
5. Чичерин Б. Н. Система химических элементов. Законы образования химических элементов. М., 1911.
6. Программа по неорганической химии для химических факультетов университетов. М., 1949.
7. Зворыкин А. А. О советском патриотизме в науке // Большевик. 1948. № 22. С. 23–42.
8. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 180. Л. 1–130.
9. Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 5. М., 1970. С. 21–72.
10. Кудрявцев П. С. История физики. Т. II. М., 1956.
11. История естествознания в России. Т. II. М., 1960.